БИТВА ПРИ ГОГЛАНДѢ.

Эта битва наша со шведами замѣчательна тѣмъ, что была очень кровопролитна, что мы, будучи слабѣе, если и не разбили непріятеля, то покрайности осилили его, согнали съ мѣста сраженія, заставили бѣжать и скрыться, такъ–что шведскій флотъ, послѣ гогландской битвы, во все лѣто не смѣлъ болѣе показываться въ морѣ. Это было въ 1788 году.

У насъ была уже въ это время война съ турками; шведы думали этимъ попользоваться: одинъ непріятель съ юга, другой съ сѣвера; не въ первый и не въ послѣдній разъ суждено было Россіи раздѣлываться вдругъ на обоихъ концахъ государства. Богъ милостивъ.

Въ Петровъ день 1788 года вышелъ манифестъ о войнѣ со шведомъ, и въ тотъ же день адмиралъ Грейгъ выступилъ съ флотомъ изъ Кронштадта. Онъ билъ уже турокъ въ Средиземномъ морѣ и отличился подъ Чесмой. У него было 17 линейныхъ кораблей, въ томъ числѣ одинъ

стопушечный, Ростиславъ, 7 фрегатовъ и 9 мелкихъ судовъ; черезъ недѣлю, 6–го іюля, онъ завидѣлъ шведовъ у Гогланда и при тихомъ, попутномъ вѣтрѣ началъ на нихъ спускаться. У шведовъ было 15 кораблей и 8 большихъ фрегатовъ, 4 малыхъ, и три пакетбота; не выждавъ нашего флота на выстрѣлъ, они поворотили на другой галсъ, а нашъ за ними сдѣлалъ тоже и продолжалъ спускаться, линія на линію, корабль на корабль. Въ 5 часовъ вечера передовые корабли нашего авангарда, который выдался впередъ, привели къ вѣтру и открыли бой.

Вскорѣ передовой корабль нашъ, Болеславъ, сильно избитый, поворотилъ по вѣтру, прошелъ между обѣихъ линій и примкнулъ къ аріергарду. Второй, Іоаннъ Богословъ, также избитый, самъ кинулся къ вѣтру; катеръ, посланный, чтобы забуксировать носъ корабля въ линію, былъ тотчасъ разбитъ ядрами; прочія гребныя суда были уже прежде разбиты; Іоаннъ поворотилъ противъ вѣтра, и выбылъ изъ строю. Третій, Всеславъ, оставшійся

первымъ, продолжалъ драться одинъ противу троихъ, но наконецъ избитый выбуксировался изъ линіи, къ аріергарду. Адмиралъ, на Ростиславѣ, сначала дрался со шведскимъ адмиральскимъ кораблемъ; но какъ шедшій передъ нимъ Мстиславъ не могъ удержать своего мѣста и все болѣе осаживалъ, то Ростиславъ обошелъ его, продолжая пальбу, и вошелъ въ кильватеръ Елены.

Между тѣмъ въ аріергардѣ послѣдній корабль, Дерисъ, вовсе не вступалъ въ дѣло, и потому надобно считать нашихъ только 16 кораблей, а непріятельскихъ 15 и 8 фрегатовъ. Отчего Дерисъ не поспѣлъ къ дѣлу, осталось въ потемкахъ; но командиръ его послѣ былъ обвиненъ и разжалованъ. Второй за нимъ, Память–Евстафія, дрался два часа противъ трехъ кораблей, но избитый также вышелъ за линію. За тѣмъ три корабля во все время удержали мѣста свои. Во время боя сдѣлался штиль, такъ что суда насилу слушались руля, и потому четвертый нашъ корабль, Владиславъ, потерпѣвшій болѣе всѣхъ прочихъ, не могъ

править и сталъ валиться на непріятельскую линію; его обстрѣливали почти кругомъ, громили продольными выстрѣлами; четыре непріятельскіе корабля окружили его и часу въ десятомъ командиръ его, капитанъ 1 ранга Берхъ, собралъ военный совѣтъ. Оказалось, что избитый въ корпусѣ и рангоутѣ Владиславъ носится по произволу вѣтра, управлять имъ нельзя; что убитыхъ было 257 человѣкъ, но что мичманъ Смирновъ, бывшій въ крюткамерѣ при раздачѣ картузовъ, стоялъ съ фителемъ надъ бочкою пороха, ожидая приказанія взорваться на воздухъ. Команда, на вопросъ капитана, отвѣчала: «На все готовы, отецъ нашъ, что хочешь, то и дѣлай!» Командиръ, не видя возможности болѣе драться, и, пожалѣвъ людей, спустилъ флагъ.

Прочіе корабли, всего счетомъ десять, дрались до темной ночи отчаянно и безъ оглядки, кому съ кѣмъ приходилось, то съ однимъ то съ двумя и тремя непріятельскими кораблями. Къ семи часамъ передовые и средніе корабли

непріятельскіе стали было спускаться, а наши за ними, но вскорѣ опять привели и продолжали бой; въ девятомъ, весь шведскій флотъ сталъ спускаться, но преслѣдуемый нашимъ, опять привелъ къ вѣтру, что сдѣлали и наши корабли, и сраженіе продолжалось почти одиночное, потому что обѣ линіи вовсе разстроились. Нашъ адмиралъ сошелся съ шведскимъ вице–адмираломъ, графомъ Вахмейстеромъ, командовавшимъ авангардіею; онъ наконецъ спустилъ флагъ и былъ взятъ Ростиславомъ. Въ десятомъ часу, вслѣдъ за сдачей Владислава, весь флотъ непріятельскій спустился и пошелъ на–побѣгъ; ночь наступила и адмиралъ нашъ велѣлъ кончить погоню.

Со шведскимъ вице–адмираломъ взятъ былъ 66 пушечный корабль Принцъ Густавъ, на которомъ оказалось убитыхъ и раненыхъ до 306. Только черезъ часъ нашъ адмиралъ узналъ о плѣненіи нашего Владислава, хотѣлъ гнаться за непріятелемъ, но за темнотою не могъ собрать далеко разбросанныхъ врознь

кораблей своихъ; онъ даже посылалъ съ приказаніемъ этимъ шлюпку на ближайшіе корабли, но они были слишкомъ разбиты, а аріергардъ нашъ, менѣе пострадавшій, далеко отсталъ. Шведы ушли въ неприступный Свеаборгъ, который тогда былъ у нихъ въ рукахъ, заперлись тамъ и не выказывали носу во все лѣто, хотя наши корабли ихъ стерегли; только 9–го ноября, когда наши ушли на зимовку, шведскій флотъ вышелъ и отправился въ Карлскрону.

У насъ изъ числа 11,738 человѣкъ, на всѣхъ 17–ти корабляхъ, было до 400 убитыхъ, и раненыхъ съ 700. Адмиралъ Грейгъ доносилъ государынѣ Екатеринѣ II, что никогда еще не видѣлъ такого жаркаго и такого съ обѣихъ сторонъ упорнаго сраженія. Хоть рыло въ крови, да наша взяла!